

Фонвизин Сергей Иванович

Конец дневника

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32   **Сергей Иванович Ф.**
Конец дневника / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 84 с.

ISBN 978-5-521-28537-2

ISBN 978-5-521-28537-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

это. Мало ли я объ этомъ думалъ, хотя, правда, какія же то были думы? Скорѣе чувствовалъ, чѣмъ думалъ. Такъ, какіе то обрывки мыслей... Только-что ухватишься за одну, другая отгоняетъ первую; а тамъ третья, четвертая... Сумбуръ какой-то! Да и ложь не замѣтна. А сколько ея, умственной-то лжи; невольной, положимъ, но вѣдь это все равно: пугаетъ, мѣшаетъ она одинаково. А на бумагѣ легче: мысли можно закрѣпить, привести въ порядокъ.

Нѣтъ, такъ нельзя: надо разобратъся, надо понять. Къ какимъ бы результатамъ ни привелъ меня этотъ разборъ — все равно, я буду писать. Страшно только: буду ли я въ состояніи говорить обо всемъ этомъ хладнокровно, *sine ira et studio*? Смогу ли отнестись къ себѣ, къ Катѣ, ко всемъ вполне безпристрастно, стать въ положеніе репортера, которому нѣтъ никакого дѣла до разыгрываемой передъ нимъ драмы, но который внимательно за нею слѣдитъ, такъ какъ обязанъ дать о ней отчетъ? Выйдетъ ли мой отчетъ безпристрастнымъ? Не знаю, но за одно ручаюсь: лжи въ моемъ разсказѣ не будетъ. Правда, и только правда. Лишь замѣчу, что рукою моею начинаетъ водить нехорошее чувство, тотчасъ же брошу перо и — ни слова, пока не успокоюсь. А теперь начну.

Это было 6-го марта, слѣдовательно, ровно три недѣли тому назадъ. Утромъ, брѣясь, я нечаянно уронилъ бритву и порѣзалъ себѣ палецъ, — порѣзалъ довольно сильно, такъ какъ съ трудомъ остановилъ кровь. Поискавъ старой перчатки, чтобы сдѣлать изъ нея чехоль для пальца, и не найдя, я отправился съ той же цѣлью въ Катину уборную. Кати не было дома, — по случаю воскресенья она ушла въ церковь, — горничная также куда-то скрылась, и мнѣ пришлось искать самому. Только что я отворилъ одинъ изъ ящичковъ комода, какъ увидѣлъ, что на днѣ ящика лежала свернутая въ комочекъ старая перчатка. Я ее взялъ, хотѣлъ было идти къ себѣ, но почувствовавъ, что въ ней что-то завернуто твердое, сталъ развертывать. Смотрю — сложенная вчетверо визитная карточка; что-то написано. Машинально про-

челъ и сразу не понялъ; хотѣлъ уже бросить назадъ въ ящикъ.. Но какая-то странная, мгновенная, ноющая боль въ сердцѣ остановила руку и заставила меня прочесть еще разъ, потомъ еще и еще. И вдругъ я почувствовалъ, что на меня надвинулось что-то огромное, черное, страшное, со всѣхъ сторонъ охватило, сдавило кленцами голову и тысячами иглъ впилося въ сердце...

Помню, когда я очнулся, я лежалъ на полу, и первую моею мыслью было бѣжать, бѣжать изъ этой комнаты, какъ можно скорѣе, чтобы меня не поймали, какъ вора, на мѣстѣ преступленія... Я поспѣшно схватилъ валявшуюся на полу карточку, завернулъ ее кое какъ въ перчатку, сунулъ на прежнее мѣсто и на цыпочкахъ, осторожно, пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Съ тѣхъ поръ я этой карточки не видѣлъ, —но написанное на ней огненными буквами врѣзалось въ мою память. Всего нѣсколько словъ: „Воскресенье никакъ нельзя, придется отложить до среды. Тамъ же, у Дюссо. Цѣлую тысячу разъ. Если твой медвѣдь вдругъ вздумаетъ не ѣхать въ Гатчину, черкни словечко. Не опаздывай“. И все. Подписи не было, да ея и не надо: на чужихъ карточкахъ такихъ вещей не пишутъ. А потомъ, не все ли равно — тотъ ли, другой, третій...

Что я тогда чувствовалъ? Припоминая тѣ первыя минуты, вижу, что вначалѣ было смутное, неопредѣленное ощущеніе чего-то смертельно-страшнаго, невозможнаго, до нельзя мучительнаго. Меня, какъ говорится, „пришибло“, и я еще не пришелъ въ себя. Но потомъ мною овладѣла бѣшеная злоба, и я заметался по кабинету, какъ звѣрь, ломая все, что попадалось подъ руки. Войди тогда Катя — и, нѣтъ сомнѣнья, я убилъ бы ее на мѣстѣ. Послѣ этого я какъ будто немного успокоился, и тотчасъ же явился вопросъ: что мнѣ дѣлать? „Конечно, убить! И ее, и его убить!“ получился стремительный отвѣтъ, но лишь на мгновеніе занялъ мысль. Ну, какой же я убійца?! Наконецъ, — и только тогда, — вернулась ко мнѣ способность думать и разсуждать, слѣдствіемъ чего явилось глупое рѣшеніе: надо убѣдиться. Въ чемъ убѣдиться? Было ясно какъ день, что карточка назначалась именно Катѣ; фраза о медвѣдѣ, который долженъ ѣхать въ Гатчину,

прямо подтверждала это. Въ Гатчинѣ жила моя сестра; я ѣздилъ туда два раза въ недѣлю и какъ разъ по средамъ и воскресеньямъ. Ужъ чего, кажется, яснѣе! И тѣмъ не менѣе мое желаніе убѣдиться—теперь я это понимаю—имѣло извѣстныя основанія.

Дѣло въ томъ, что, несмотря на ясность и очевидность того, что Катя меня обманываетъ, я еще не вѣрилъ этому, не могъ вѣрить; я былъ слишкомъ далекъ отъ мысли о возможности чего-либо подобнаго. Это было такъ дико, невѣроятно... Моя Катя—и вдругъ обманываетъ! Я готовъ былъ предположить все, что угодно: карточка могла попасть къ Катѣ случайно; она могла ее найти, ну хотя бы на улицѣ, сохранить ее для курьеза—все-таки знакомый человѣкъ; наконецъ, это могла быть, просто, шутка, дурачество кого-нибудь изъ знакомыхъ. Мало ли людей ѣздятъ въ Гатчину, мало ли существуетъ людей, похожихъ на медвѣдя?!

Само собой, все это были натяжки и притомъ неправдоподобныя; но тогда и одной изъ нихъ было достаточно. Главное, была лазейка для сомнѣнія, и я ею широко пользовался.

Спрашивается теперь: если я могъ думать, что во всемъ этомъ кроется недоразумѣніе, что Катя невиновата, то почему же не пришло мнѣ въ голову обратиться къ ней прямо, попросить у нея объясненія? Почему? Да потому, вѣроятно, что настоящей-то твердой увѣренности въ ея невиновности не было. Была какая-то двойственность сознанія: съ одной стороны, разумъ, опираясь на ясное свидѣтельство карточки, говорилъ: виновна; съ другой, возмущенное чувство протестовало, заявляя: нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. И вотъ почему глупое на первый взглядъ рѣшеніе: убѣдиться—являлось единственно возможнымъ.

А потомъ было и еще соображеніе. Я, просто, боялся, что изъ такого объясненія ничего не выйдетъ. Если Катя виновата, она не сознается, отъ всего отопрется. Чтобы сознаться въ такой вещи, надо быть очень честной; ну, а честность и подобнаго рода обманъ—несовмѣстимы. Но повѣрить ей такъ, на слово, я не могъ; предпринять же что-нибудь на основаніи однихъ лишь

подозрѣній, хотя вполне вѣроятныхъ,—пока они допускали хоть малѣйшую возможность ошибки,—я также не былъ въ состояніи. Мнѣ не только надо было убѣдиться, но и такъ убѣдиться, чтобы Катя не могла сказать: „нѣтъ, я не виновата“.

Какъ убѣдиться, объ этомъ я еще не думалъ; это была подробность, о которой — потомъ. Теперь главное было-успокоиться, чтобы Катя ничего не замѣтила. И я успокоился. Облилъ голову холодной водой, подобралъ валявшіеся на полу осколки и взялъ книгу. Сѣлъ нарочно спиной къ двери, чтобы имѣть время приготовиться, когда Катя войдетъ, не сразу ее увидѣть.

Я ни о чемъ не думалъ, мыслей не было, голова была пуста; но въ этой пустотѣ, наполняя ее всю, безъ остатка, точно нарисованное гигантскими буквами, двигалось одно лишь слово: „убѣдиться“! Оно суживалось, расширялось,—тогда отъ нестерпимой боли, казалось, голова лопнетъ, но ни на минуту не уходило, не допуская въ свое сосѣдство никакой другой мысли, стремительно выпроваживая появившіеся было вопросы: какъ? для чего? почему? „Убѣдиться, убѣдиться, убѣдиться!“ А тамъ, на глубинѣ, внутри меня — ледяной холодъ, какая-то ноющая боль и ощущеніе необъяснимаго ужаса. Это послѣднее, т.-е. ощущеніе ужаса, не покидало меня до того самаго момента, пока я не „убѣдился“. Тогда оно исчезло; ноющая же боль осталась. Точно большой червякъ впился въ сердце и сосетъ его. Вотъ и теперь я пишу, а червякъ сосетъ да сосетъ... И не перестаетъ онъ ни на минуту, и нѣтъ отъ него избавленія.

Натянутые нервы не выдержали, и я разрыдался. Давно я не плакалъ: я забылъ, какъ плачутъ; но слезы меня облегчили. Пришлось опять прибѣгнуть къ крану, послѣ чего я сталъ даже соображать, такъ что когда раздался Катинъ звонокъ, я успѣлъ выработать что-то въ родѣ плана будущихъ дѣйствій; между прочимъ рѣшилъ, что сегодня, по обыкновенію, поѣду въ Гатчину.

— Завтракъ! Давайте скорѣе завтракъ!—еще изъ передней услышалъ я Катинъ голосъ, громкій, веселый. Шаги все ближе,

ближе... Отворилась дверь... А я не могу сладить съ внезапной дрожью и, стискивая до боли зубы, проклиная себя за малодушіе. Но вотъ двѣ мягкія руки обхватываютъ сзади мою шею, и низкій, бархатный голосъ нѣжно шепчетъ:

— Ну, здравствуйте... Этакій бука,—не можетъ даже обернуться!

Я невольно отшатнулся.

— Испугала... Скажите! Monsieur a ses nerfs.— Она обошла кругомъ и стала передо мной.

Я взглянулъ на нее, и веселая улыбка мгновенно слетѣла съ ея губъ.

— Ты нездоровъ? Что... — И вдругъ вся вспыхнула, а въ глазахъ промелькнулъ испугъ. — Что, что съ тобой? — уже не понимая, очевидно, что говоритъ, dokonчила она и, растерянно пробормотавъ, что ей надо переодѣться, почти выбѣжала изъ комнаты.

„Виновата!“ — подумалъ я, глядя ей вслѣдъ. „Поняла, по взгляду поняла, что попалась. Теперь пошла смотрѣть, все ли на мѣстѣ. А потомъ, вѣроятно, и успокоится“.

Такъ оно и вышло.

За завтракомъ Катя была, какъ всегда, весела, разговорчива. Я сказалъ, что мнѣ нездоровится, и она сейчасъ же повѣрила, совѣтовала лечь, послать за докторомъ; когда же узнала, что я собираюсь въ Гатчину, возмутилась и объявила, что ни за что меня не пуститъ. И все это, какъ всегда, совсѣмъ просто, искренно. Я не зналъ, что думать, и опять сомнѣвался, и опять не вѣрилъ, что женщина, которую я такъ сильно любилъ, въ любви которой до сей минуты былъ такъ твердо увѣренъ,—что эта женщина—низкая обманщица. Я пристально за нею слѣдилъ, разбиралъ каждый ея взглядъ, каждое слово, и тѣмъ больше я наблюдалъ, тѣмъ мои подозрѣнія казались мнѣ менѣе основательными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легче мнѣ отъ этого не становилось. Внутри меня былъ тотъ же леденящій холодъ, то же ощущеніе ужаса. Теперь только страннымъ образомъ къ нимъ примѣшивалось чувство жгучаго стыда, точно я передъ Катею

въ чемъ-то сильно провинился, точно сдѣлать что-то очень скверное, нехорошее. Мнѣ стыдно было на нее смотрѣть, говорить съ ней, слушать ее; досидѣть до конца завтрака я не могъ, вообще оставаться дома не могъ и раньше обыкновеннаго поѣхалъ въ Гатчину. Къ счастью, у сестры никого не было.

— Что съ тобой? встрѣтила она меня испуганнымъ возгласомъ:—На тебѣ лица нѣтъ!.. Катя... жена... — она смѣшалась и остановилась.

— Что Катя?—спросилъ я, замѣтивъ ея смущеніе.

Она какъ будто не слыхала вопроса.

— Ты нездоровъ... Зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Что Катя?—повторилъ я настойчиво.

— Ахъ, Боже мой, что ты на меня такъ смотришь? — и она засмѣялась дѣланнымъ смѣхомъ.—Какъ будто про твою Катю нельзя и упомянуть. Ну, просто, хотѣла сказать глупость и вовремя остановилась: хотѣла спросить, здорова ли Катя, хотя прекрасно знаю, что если бы она была больна, тебя бы здѣсь не было.

Соня лгать не умѣла, а потому выговоривъ это, еще болѣе смѣшалась, покраснѣла и отвернулась.

— Полно, Соня. Зачѣмъ ты лжешь? Совсѣмъ ты не то хотѣла сказать. Увидѣвъ меня, ты подумала, что Катя сбѣжала...

Она быстро повернулась.

— Неужели правда?! Бѣдный мой, бѣдный! — вскрикнула она, схвативъ мою руку.

— И не думала,—сказалъ я спокойно.—Вообще, теперь я уже вполне овладѣлъ собой, настолько, что могъ хладнокровно сказать сестрѣ:—А ты все-таки потрудишься мнѣ объяснить, какимъ образомъ такая мысль могла придти тебѣ въ голову?

Бѣдная Соня: на нее жалко было смотрѣть. Чтобы не отвѣтить прямо на мой категорическій вопросъ, она пустилась въ разсужденія, думая отдѣлаться общими фразами. Она говорила, что я напрасно даю Катѣ такую свободу; что какъ бы жена ни любила мужа, какъ бы мужъ ни былъ увѣренъ въ этой любви, все же безграничное довѣріе — ошибка; что на пути

каждой хорошенькой женщины, не говоря уже о такой выдающейся красавицѣ, какъ Катя, встрѣчается много опасностей, для успѣшной борьбы съ которыми необходима, кромѣ любви къ мужу, масса ума и характера; что мы, мужчины, и не подозреваемъ, какъ сильно кружатъ голову наше постоянное ухаживаніе, поклоненіе, что Катя такъ еще молода, такъ неопытна.

Тутъ я ее остановилъ, замѣтивъ, что послѣ девяти лѣтъ замужества нельзя толковать о неопытности и что, разъ я девять лѣтъ довѣрялъ Катѣ и не видалъ отъ этого никакихъ дурныхъ послѣдствій, было бы очень странно на десятомъ году и безъ всякаго видимаго основанія ограничивать ея свободу.

— А ты думаешь, девять лѣтъ безупречной жизни являются вѣрной гарантіей для десятаго года?

— Конечно, думаю. Какъ же мнѣ иначе думать?

— Ошибаешься, милый. Въ такомъ дѣлѣ, какъ увлеченіе, гарантій нѣтъ. Я сама женщина: я лучше тебя это знаю.

— Прекрасно. Но что же тогда дѣлать? Ты очень хорошо знаешь, что сопровождать всюду Катю, бывать вездѣ, гдѣ бываетъ она, я не могу. У меня работа, да къ тому же я не люблю общества. Что же остается? Запереть Катю на замокъ или нанять ей компаньонку, которая доносила бы мнѣ о каждомъ ея шагѣ? И это лишь потому, что противъ увлеченія не существуетъ гарантій!

— Зачѣмъ запираеть? Довѣрять безгранично не слѣдуетъ, только и всего.

— Значить, постоянно подозревать? Довѣрія нѣтъ—значить, есть подозрѣніе.

— Ну, это фраза. Гораздо проще—по пословицѣ: „береженого и Богъ бережетъ“. А вотъ одну кататься на тройкахъ не пускать да не позволять входить въ интимныя отношенія съ людьми, о которыхъ Богъ знаетъ что говорятъ.

— Рѣшительно не понимаю, что можетъ быть дурного, если молодая женщина поѣдетъ покататься въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ; къ тому же это вполне принято, а...

— Ахъ, Боже мой, принято! Вотъ теперь принято, чтобы

у каждой порядочной женщины былъ любовникъ — что же, ты и на это согласенъ!

Все это было не то; Соня не договаривала. Надо было ее заставить высказаться опредѣленноѣ.

— Нѣтъ, Соня, ты несправедлива... какъ и всегда, впрочемъ, когда дѣло касается Кати. Ты кажется, только и думаешь, какъ бы меня возстановить противъ нея.

Это было жестоко, это была ложь; но эффектъ превзошелъ мои ожиданія.

Соня вспыхнула и широко раскрыла глаза.

— Я... хочу... тебя... возстановить, — еле выговорила она и вдругъ, махнувъ рукой, продолжала съ горячностью. — Ахъ, ты, несчастный слѣпой! Такъ знай же, что о твоей женѣ уже давно говорятъ, какъ... *d'une femme à la mode*... Полагаю, ты самъ знаешь, что это значитъ...

— Кого называютъ ея любовникомъ? перебилъ я.

— Кого... кого? Вешнина, если хочешь знать, вотъ кого!

— А про Оленина не говорятъ?

Но Соня уже опомнилась, съ ужасомъ взглянула на меня и вдругъ, всплеснувъ руками, расплакалась.

— Паша, голубчикъ, не вѣрь, не вѣрь... Я тебѣ все такъ, зря наболтала... Глупыя сплетни однѣ... не вѣрь!

— Да я не вѣрю, — сказалъ я, принудя себя улыбнуться. — Мало ли что говорятъ!

Соня видимо была поражена моимъ хладнокровіемъ. Она не знала, какою цѣною досталось оно мнѣ.

— Удивительный ты человѣкъ! задумчиво проговорила она и потомъ цѣлый вечеръ, желая загладить вырвавшіяся въ горячности слова, ухаживала за мной болѣе обыкновеннаго, забывая въ то же время совсѣмъ о моемъ незаслуженномъ и жестокомъ обвиненіи.

Соня — хорошій человѣкъ. Я любилъ у нея бывать. Она живетъ такъ, какъ, по моему, слѣдуетъ жить. Овдовѣвъ послѣ четырехъ лѣтъ замужства, она осталась жить въ Гатчинѣ, гдѣ служилъ ея покойный мужъ, и всецѣло посвятила себя дѣтямъ,

которыхъ у нея было двое: оба мальчика, и оба мои крестники. Водить она ихъ удивительно, и, отдавъ ей теперь Сережу, я убѣжденъ, что она вполнѣ замѣнитъ ему меня. Я всегда уѣзжалъ изъ Гатчины съ чувствомъ глубокаго нравственнаго успокоенія, да и тогда, пока я тамъ находился, мнѣ было несравненно легче.

Я никогда не думалъ о томъ, о чемъ говорила Соня, о томъ, правильно ли я отношусь къ Катѣ. Это безусловное довѣріе и, какъ его слѣдствіе, неограниченная свобода, которою пользовалась Катя, были не плодомъ какихъ-либо разсудочныхъ соображеній, а явились сами собой и, насколько мнѣ помнится, съ перваго же дня свадьбы. Думать объ этомъ мнѣ не случалось, и Сонины слова меня удивили, но и только. Я даже не задалъ себѣ вопроса, справедливы ли онѣ: не до того мнѣ было, но въ памяти онѣ у меня остались. Вообще замѣчу, что я прекрасно помню все то, что происходило въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, все, что было говорено, дѣлано другими, мои собственные слова, поступки, ощущенія. Въ удивительно выпукломъ видѣ и строго ограниченномъ отъ всего предшествовавшаго сохранилось въ моей памяти это время. Точно большая гора на еле холмистой равнинѣ... Судьба жестокою рукой вскинула меня на ея вершину,—ну, а соскочить съ нея я и самъ съумѣю...

Меня позвали обѣдать. Я еще не привыкъ къ своему одиночеству и каждый разъ съ тяжелымъ чувствомъ вхожу въ большую темную столовую, казавшуюся прежде такою уютною. Какъ и прежде, мнѣ служатъ два лакея; какъ и прежде, подаются мои любимыя кушанья. Все—какъ прежде... Одного только нѣтъ: ея нѣтъ... И мнѣ больно, больно... И, тѣмъ не менѣе, я ѣмъ, пью, хотя машинально, но, кажется, съ аппетитомъ. Значить, животь—самъ по себѣ, а душа—сама по себѣ! Да не такъ ли это всегда? Говорятъ же, что Генрихъ I англійскій ни разу не улыбнулся послѣ смерти своего сына и наслѣдника, однако умеръ, обѣжавшись миногами.

Когда я пріѣхалъ домой, Кати еще не было. Она вернулась въ третьемъ часу и, по обыкновенію раздѣвшись въ уборной, тихо, безъ свѣчи, прошла въ спальню. Черезъ пять минутъ она уже спала. Спокойный сонъ невинности! Въ эту минуту я ненавиждѣлъ ее всѣми силами своей души.

Какая мучительная ночь, какъ она тянулась!.. Съ разсвѣтомъ я всталъ и перешелъ въ кабинетъ, но и тамъ мнѣ заснуть не удалось.

Изъ всего того, что говорила Соня, меня занималъ лишь вопросъ: почему Катѣ приписывали совсѣмъ не того любовника? Простая ли это ошибка, или же молва напутала только во времени, и Вешнинъ былъ Катинимъ любовникомъ раньше, уступивъ теперь свое мѣсто другому? И послѣднее было возможно, такъ какъ я понималъ, что если Катя меня обманывала теперь, то очень легко могла обманывать и прежде, а стало быть, Оленинъ, съ одинаковой вѣроятностью, могъ быть первымъ ея любовникомъ, какъ вторымъ, пятымъ и т. д.

Со времени свадьбы Катя совсѣмъ не перемѣнилась. Какою была, такою и осталась. Ровная, спокойная, всегда въ дужѣ, совсѣмъ не капризная, нѣжная, любящая. Такою она была девять лѣтъ тому назадъ, такою была и сегодня утромъ. Даже перемѣнъ чисто внѣшнихъ—и тѣхъ не было.

Я вышелъ изъ дома рано, велѣвъ передать Катѣ, что у меня дѣла и что къ завтраку я не вернусь.

Побродивъ довольно долго по улицамъ, я около 12-ти часовъ зашелъ къ Борелю. Тамъ служилъ лакеемъ одинъ татаринъ, котораго я зналъ со временъ моей холостой жизни. Онъ мнѣ былъ необходимъ для выполненія моего плана, и я сильно на него рассчитывалъ. Какъ-то давно мнѣ удалось избавить его отъ побоевъ пьяныхъ товарищей, и съ той поры онъ выказывалъ мнѣ какую-то совсѣмъ собачью привязанность.

Толстая, расплывшаяся француженка, стоявшая за буфетомъ, объявила мнѣ на мой вопросъ, что Иванъ уже съ годъ какъ у нихъ не служитъ, что Дюссо переманилъ его къ себѣ. Это извѣстіе меня порадовало. Если Иванъ у Дюссо,—все устроивалось